

## МУСУЛЬМАНЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: В ПОИСКАХ НЕУЛОВИМЫХ СЛЕДОВ<sup>1</sup>

© 2022 г. В.Ю. Коваль

Автором рассматривается проблема поиска следов присутствия мусульман на территории расселения славянских племен в Восточной Европе и русского государства (в VIII–XVI вв.). При археологических исследованиях тут не обнаружено ни мусульманских погребений, ни других свидетельств присутствия на это территории мусульман. Между тем, мусульмане (воины, купцы, администраторы) приезжали сюда и проживали подолгу в этих землях. Причина может крыться в недостаточной изученности территории и обособленном размещении мусульманских кладбищ. Большинство артефактов, поступавших на эту территорию из стран ислама, были предметами торговли и не могут прямо свидетельствовать о проживании мусульман. Одним из возможных свидетельств присутствия мусульман на Руси предложено рассматривать кумганы, которые служили специальными ритуальными сосудами в исламской среде. При этом те же сосуды могли использоваться и как столовые, поэтому использовать такой критерий надо с большой осторожностью.

**Ключевые слова:** археология, торговля, погребальный обряд, кладбища, ритуалы, кумган.

## MUSLIMS IN MEDIEVAL RUS: IN SEARCH OF SUBTLE TRACES<sup>2</sup>

V. Yu. Koval

The problem of finding traces of the presence of the Muslims in the areas of the settling of Slavic tribes in Eastern Europe and the Russian state (in the VIII–XVI centuries) is considered by the author. The archaeological studies have not revealed here any Muslim burials or other evidence of the presence of the Muslims in this territory. Meanwhile, the Muslims (warriors, merchants, administrators) came here and lived for a long time in these lands. The reason may lie in the lack of studying the territory and the isolated location of the Muslim cemeteries. Most of the artifacts that came to this area from the countries of Islam were trade items and cannot directly testify to the residence of the Muslims. One of possible evidences of the presence of the Muslims in Rus is considered by the author as the kumgans, that used as special ritual vessels in the Islamic society. At the same time, these vessels could also be used as tableware, so this criterion should be used with a great care.

**Keywords:** archaeology, trade, burial rite, cemeteries, rituals, kumgan.

Восточные славяне, создавшие государство Русь и принявшие христианство в 988 г., контактировали с мусульманами на всём протяжении своей истории. Начались эти контакты ещё в VIII в., когда купцы-мусульмане, вероятно, впервые появились на территории Восточной Европы и стали скупать пушнину у славянских и финноязычных племен. В 922 г. ислам был официально принят волжскими булгарами, чьё государство стало первой страной ислама на территории Восточной Европы. В 1320-х гг. ислам принял хан монгольского государства «Золотая Орда», в подчинении у которого Русь находилась с 1237 г. до конца XV в. Всё это время (начиная по меньшей мере с X в.) на террито-

рии восточных славян, а затем на землях государства Русь постоянно проживали мусульмане. Эти люди упоминаются в текстах русских летописей под именем «бесермен»: среди них были торговцы, подолгу проживавшие в городах Руси, а с XIV в. к ним добавились и воины Золотой Орды, участвовавшие в походах на Русь или составлявшие контингенты, подчинённые ордынским послам и баскакам. Несомненно, многие из них умирали здесь, так и не вернувшись на свою далёкую родину в Орде или странах Востока.

Тела погибших воинов должны были собирать с полей сражений и где-то хоронить либо вывозить для погребения на родину, в степи. Купцы, несомненно, тоже иногда умирали, и

1 Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

2 This research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. R&D 122011200266-3).

тогда единоверцы-мусульмане должны были хоронить их по мусульманскому обряду. Этот обряд имеет специфические черты в положении тела умершего в могиле (поворот головы лицом на кыблу, небольшой разворот туловища вправо, слегка согнутая в колене правая нога). Однако до сих пор на территории Руси, занятой славянским населением, такие мусульманские захоронения не найдены. Без всякого сомнения, они располагались отдельно от славянских языческих кладбищ и тем более – от христианских прицерковных некрополей, т. е. были изолированными и, вероятно, размещались за пределами городов и сельских поселений. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что мусульманские погребения пока не обнаружены археологами на территории Руси. Предполагать, что тела всех умерших мусульман вывозили на Родину, – нет достаточных оснований: такой вывоз в эпоху средневековья было очень сложно осуществить – он мог проводиться только в зимнее время. Впрочем, холодное время на Руси занимает почти половину года, так что хотя бы частично умерших мусульман всё же могли вывозить, прежде всего – в Волжскую Булгарию, ближайшую мусульманскую страну, а начиная с XIV в. уже и во всю степную зону. Разумеется, можно предполагать, что захоронения мусульман совершались на временных кладбищах, с тем чтобы через некоторое время можно было бы вывезти кости умерших, однако письменные источники ничего не сообщают про подобные эксгумации и даже про саму их возможность с точки зрения шариата. Следовательно, остаётся только надеяться на удачу в поиске мусульманских погребений на территории Руси.

Какие ещё следы своего присутствия могли оставить мусульмане в зонах расселения славян-язычников и русских-христиан? Выявление таких следов – очень сложная задача, поскольку мусульмане не имеют специфических атрибутов веры, изготовленных из неорганических материалов, которые помогли бы установить их былое присутствие в том или ином месте. Этим они отличаются от христиан, присутствие которых определяется по таким характерным символам, как кресты (нательные, памятные, поклонные, напрестольные и другие), а также бронзовые иконки. Знак креста, вырезанный или процарапанный на предмете, также может служить признаком присутствия христиан (хотя не всякий крест можно расценивать как символ христианства: крест всегда был одним из самых распространённых графем во всех

культурах мира). У мусульман такого знака не было, а необходимый для совершения намаза молитвенный коврик, созданный из органических материалов, не имел шанса сохраниться в земле.

Казалось бы, поиску следов мусульман могли бы помочь разнообразные вещи с надписями арабским шрифтом (ткани, украшения, предметы вооружения и др.), сохранившиеся в сокровищницах аристократии и ныне находящиеся в фондах музеев. Однако все эти вещи были предметами торговли, и их широко использовали славяне (как язычники, так и христиане), поскольку не понимали смысла надписей, принимая их за изысканный орнамент. Хорошо известно использование тканей с арабскими и псевдоарабскими надписями даже на литургических облачениях высших иерархов русской церкви. В качестве примера приведём Малый саккос, приписываемый митрополиту Фотию, но изготовленный, вероятно, в 1430-х гг. для митрополита Исидора, а позже полностью переделанный, в котором использованы полосы со стилизованными псевдоарабскими надписями, копирующими мусульманский символ веры «Нет бога, кроме аллаха» (Качанова, 2011, с. 387, 394) (рис. 1). Видимо, такие надписи (фактически нечитаемые) расценивались в качестве орнамента даже самыми образованными людьми своего времени (священнослужителями), что позволяло помещать их даже на литургическом облачении.

Хорошо читаемые арабские надписи в изобилии украшали роскошные предметы вооружения (шлемы, щиты, сабли), поставившиеся на Русь из Ирана и Турции в XVI–XVII в. и известные нам сегодня преимущественно по собранию Оружейной палаты Московского Кремля. В этих надписях многократно встречается слово «аллах», а сами они представляли собой цитаты из Корана или иные мусульманские благопожелания. Но все эти предметы являлись импортами и находились в пользовании у русской аристократии (вне зависимости от её генетического происхождения).

Арабские надписи (включая исламский символ веры) копировались на первых русских монетах в конце XIV – начале XV в., но это копирование не указывает на восприятие восточных «культурных ценностей», включая ислам, а имело исключительно политические мотивы, прежде всего, прокламацию зависимости от ордынских правителей. Таким образом, и эти предметы ни в коем случае не



**Рис. 1.** Вышитая золотом псевдоарабская надпись на краю малого саккоса митрополита Фотия (фото из свободного интернет-ресурса).

**Fig. 1.** Embroidered in gold pseudo-Arabic inscription on the edge of the small sakkos of Metropolitan Photius (photo from a free Internet resource).

свидетельствуют о присутствии мусульман в пределах Руси.

Не могут расцениваться в качестве следов пребывания на Руси мусульман и другие импортные предметы: одежда из хлопчатобумажных и шёлковых тканей, керамическая и металлическая посуда, изготовленная в странах Востока, поскольку все эти вещи представляли собой предметы торговли, которые покупались и использовались русскими людьми. Разумеется, косвенно они указывают на присутствие мусульман, ведь доставка таких импортов на Русь могла осуществляться купцами-мусульманами. Но не следует забывать, что в торговле восточными импортами принимали участие и русские купцы православного вероисповедания, которые ездили за товарами как в Орду, так и в Иран (вспомним тут знаменитого тверского купца Афанасия Никитина). Восточные (т. е. изготовленные в исламских странах) товары настолько широко были распространены в быту Руси с VIII по XVII в., что предметы импорта этого времени нельзя признавать за явное свидетельство присутствия в Восточной Европе самих мусульман. Они лишь указывают на многообразие торговых связей Руси с миром исламского Востока.

Не стало больше следов присутствия мусульман в русских землях и во второй половине XVI – XVII в., после того, как Московское царство включило в свой состав обширные территории, населённые мусульманами (в 1552 г. – Казанское ханство, в 1556 г. – Астраханское ханство, в 1582 г. – Сибирское ханство). И это несмотря на то, что в это время приток мусульман на территорию, заселённую прежде исключительно русскими православного вероисповедания, существенно вырос.

Таким образом, надо констатировать, что сегодня нет ясных критериев, по которым можно было бы определить присутствие в том или ином месте мусульман по археологическим материальным остаткам. В этой связи представляется важным рассмотреть одну из категорий предметов материальной культуры, которая может быть одним из претендентов на роль индикатора присутствия мусульман на Руси.

Речь идет о такой специфической форме посуды, как появившиеся в конце XIV в. в Москве кумганы (тюркск.; арабск. «афтафа», персид. «афтоба», узбекск. «абдаса») – кувшины с трубчатым носиком, которые сейчас используются мусульманами всего мира для омовений перед совершением намаза. И хотя нет никаких письменных свидетельств о том, что эти сосуды применялись для той же самой цели в Средневековье, можно предположить, что уже тогда одним из главных предназначений этих сосудов было служить гигиеническим целям (ритуальное омовение, а также мытьё рук и т. п.).

Вопрос о времени появления кумганов/афтафа в странах Востока и начале их использования в гигиенических целях никогда не рассматривался в научной литературе. В музеях мира и коллекциях археологических раскопок известны медные и керамические кумганы. Первые – чрезвычайно редки, поскольку в основной своей массе шли на переплавку как источник металла, а вот керамические – прекрасно фиксируются в археологическом материале. Но конкретное назначение этих сосудов определить крайне сложно.

В странах исламского Востока кумганы/афтафа известны достаточно широко, хотя их археологические датировки не всегда конкретны (Avisar, Stern, 2005, fig. 45: 2, 3,

9, pl. XXX, 2–4; Cytryn-Silverman, 2010, pl. 9.27: 8, 9; 9.34: 3; photo 9.30). В раннеисламский период (VII–X в.) такие сосуды были ещё редкостью, о чём свидетельствует единственная (на многие тысячи иных форм) находка керамического кумгана в слоях VII–VIII в. из раскопок в Иерихоне (Голофаст, 2020, с. 88, 89). В Палестине керамические кумганы становятся массовым явлением лишь в начале XIII в. (Avisar, Stern, 2005, p. 110, 111), бытуя в дальнейшем вплоть до современности. Аналогичная ситуация наблюдается и для металлических кумганов: в X–XI в. они известны только по единичным сохранившимся образцам (Ward, 1993, fig. 48), однако начиная с XIII в., судя по музейным коллекциям, они получают широкое распространение (Atil et al., 1985, p. 117, 120, 121). Медные кумганы простых (усечённо-конических) форм были довольно широко распространены и в Волжской Булгарии уже начиная с домонгольского времени, о чём свидетельствует сводка их находок, составленная К.А. Руденко (2000, с. 77, 78, рис. 17–23).

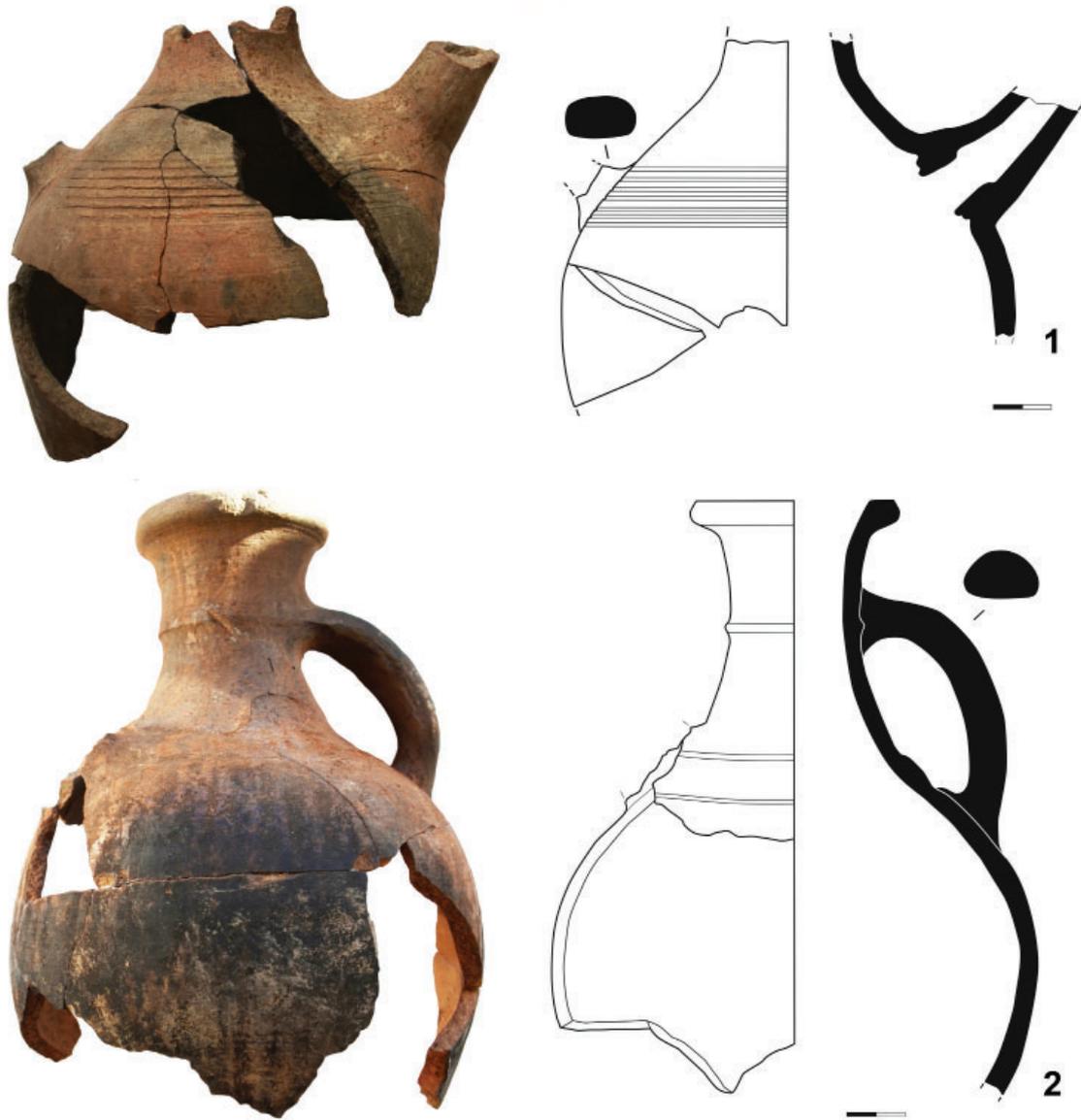
Ещё более важны данные, предоставляемые керамикой Волжской Булгарии, поскольку её поселения существовали длительный период – с X по XV в., а керамика сохраняется лучше металлических изделий. На памятниках домонгольского времени кумганы, как особая функциональная форма сосуда, исследователями ранее вовсе не выделялись (Хлебникова, 1984; Кокорина, 2002), а вот с наступлением золотоордынского времени они появляются в городах и при том в заметном количестве (Хлебникова, 1989, рис. 34: 8; 39: 1–2; 42: 1; Кокорина, 2002, рис. 72: 3–6; 73: 10; 74: 8; 75: 7; 77: 1, 6). К сожалению, никаких подсчётов количества функциональных форм посуды исследователями в XX в. не проводилось, поэтому невозможно определить, как широко были распространены кумганы и какую долю они составляли в структуре форм керамики в Болгаре, Биляре, на Русско-Урматском селище и в др. местах. Причина тут ещё кроется и в том, что кумганы не выделялись в отдельную функциональную форму, а рассматривались в качестве одной из разновидностей кувшинов, группировка которых проводилась по форме тулова и его общим пропорциям.

Впервые попытка выделить кумганы из общей массы кувшинообразных сосудов и провести соответствующие подсчёты была предпринята в Болгаре в ходе совместных исследований Институтов археологии РАН и АН Татарстана в 2015 г. Это позволило уста-

новить, что в слоях золотоордынского времени узнаваемые обломки кумганов составляли не менее 7% всех кувшинообразных форм<sup>1</sup>. Это очень заметная доля, которая в реальности была, вероятно, несколько выше, поскольку к числу кумганов могли принадлежать и другие обломки кувшинообразных (судя по горловинам) сосудов, трубчатые носики которых не попали в раскоп. Точно указать момент начала производства в Болгаре кумганов пока сложно, однако впервые развал кумгана был зафиксирован в комплексе домонгольского времени (яме 419, относившейся к слою V стратиграфической шкалы Болгарского городища) только в 2020 г. (рис. 2: 1). В раннезолотоордынском горизонте (второй половины XIII – начала XIV в.) слоя IV пока зафиксированы лишь отдельные обломки таких сосудов, а вот в позднезолотоордынском горизонте (второй четверти XIV – начала XV в.) их находки становятся действительно массовыми, причём встречаются уже развалы целых кумганов или крупных их частей (рис. 2: 2; 3; 4).

Таким образом, материалы Болгара свидетельствуют о появлении кумганов, как особой формы посуды, уже в XII в., но широкое распространение эта форма получила не сразу, а начиная лишь с середины XIII в. Кумганы могли использоваться не только как гигиенические сосуды, но и для сервировки стола. О таком их назначении свидетельствуют находки золотоордынских монет с изображениями кумгана и стоящей рядом чаши, относящихся ко времени правления Тохтамыша (Клоков, Лебедев, 2002, с. 98, рис. 13: 19, а, б). Помещение на монету сосуда гигиенического назначения, конечно, маловероятно. Таким образом, монетный материал показывает, что в конце XIV в. кумганы могли использоваться в Орде в т. ч. и как столовая посуда. Впрочем, они могли быть полифункциональны по своему назначению и простые керамические кумганы вполне могли применяться для омовений перед намазом. При этом наряду с ними для тех же ритуальных гигиенических целей могли использоваться и другие кувшинообразные сосуды. В целом же кумган/афтафа стал восприниматься в исламском мире как преимущественно гигиенический сосуд, видимо, относительно поздно (конкретные даты указать пока сложно).

На территории Руси самый ранний медный кумган зафиксирован в Великом Новгороде в хозяйственной яме конца XIII в. (Олейников, Руденко, 2013, с. 144). Он имел прямые морфо-



**Рис. 2.** Кумганы Болгарского городища из горизонтов домонгольского времени (1) и второй четверти XIV в. (2). Фото автора. Шифры находок: 1 – 2020-СХСП-42к; 2 – 2020- СХСП-7к (Здесь и далее шифр включает: год раскопок – номер раскопа – номер находки по полевой описи. Буква «к» у номера находки указывает на то, что находка имеет номер по описи керамического материала).

**Fig. 2.** Kumgans of the Bolgar fortified settlement from the horizons of the pre-Mongol time (1) and the second quarter of the 14th century (2). Photo of the author. Codes of the findings: 1 – 2020-СХСП-42k; 2 – 2020-СХСП-7k. (Hereinafter the code includes the year of excavations – number of the excavation – number of finding according to the field list.

The letter "k" at the finding number indicates that the finding has a number on the list of ceramic material).

логические аналогии среди медных кумганов и кружек, найденных в Болгаре и на других поселениях Волжской Булгарии золотоордынского времени. Второй медный кумган был найден в Москве ещё в 1842 г., этот сосуд был использован как контейнер дляклада, состоявшего из долговых расписок и других подобных документов, обнаруженного в подольной части Кремля при земляных работах (Панова, 1996, с. 80–82). К сожалению, сам этот сосуд не сохранился, но на полях документа, зафиксировавшего факт находки, был сделан рису-

нок этого сосуда, по которому видно, что этот кумган был по форме идентичен новгородскому и болгарским (Панова, 1996, рис. на с. 81) (рис. 5). Владельцем документов, сокрытых в кумгане, а, значит, и самого этого сосуда, мог быть боярин Тимофей Васильевич Вельяминов (умер после 1389 г.) (Кучкин, 1995), который, конечно, не имел никакого отношения к исламу.

Что касается присутствия мусульман в Кремле, то свидетельства об этом имеются, хотя и косвенные. Прежде всего, речь идёт о



**Рис. 3.** Кумганы Болгарского городища из горизонтов второй четверти XIV в. (1, 2), середины XIV в. (3) и второй половины XIV в. (4). Фото автора. Шифры находок: 1 – 2016-СХСII-1979; 2 – 2015-СХСII-893; 3 – 2016-СХСII-2029; 4 – 2017-СХСII-1139.

**Fig. 3.** Kumgans of the Bolgar fortified settlement from the horizons of the second quarter of the 14<sup>th</sup> century (1, 2), mid-14<sup>th</sup> century (3) and the second half of the 14<sup>th</sup> century (4). Photo of the author. Codes of findings: 1 – 2016-СХСII-1979; 2 – 2015-СХСII-893; 3 – 2016-СХСII-2029; 4 – 2017-СХСII-1139.

московской берестяной грамоте № 3 с перечнем имущества некоего Тура-бея, найденной здесь же, на Подоле Кремля, неподалёку от усадьбы Вельяминова, и датированной рубежом XIV–XV в. как по археологическому контексту, так и исходя из перечня исторически известных лиц, поставивших свои подписи на грамоте (Гиппиус и др., 2011). Имя «Тура-бей» чисто тюркское, причём указывающее на его аристократический род (бей). В Москве этот представитель ордынской аристо-

кратии, владевший двором в Кремле и значительным имуществом за пределами города, мог оказаться только в том случае, если он перешёл на службу к московскому великому князю (такие случаи известны и особенно участились к концу XIV в.). Тот факт, что Тура-бей сохранил своё имя (не поменяв его на православное), свидетельствует о том, что он не был крещён и продолжал сохранять своё вероисповедание, которого он придерживался в Орде. Разумеется, наряду с мусульманами,



**Рис. 4.** Кумган из горизонта второй половины XIV в.

Фото автора. Шифр находки: 2014-СХСП-742.

**Fig. 4.** Kumgan from the horizon of the second half of the 14<sup>th</sup> century.

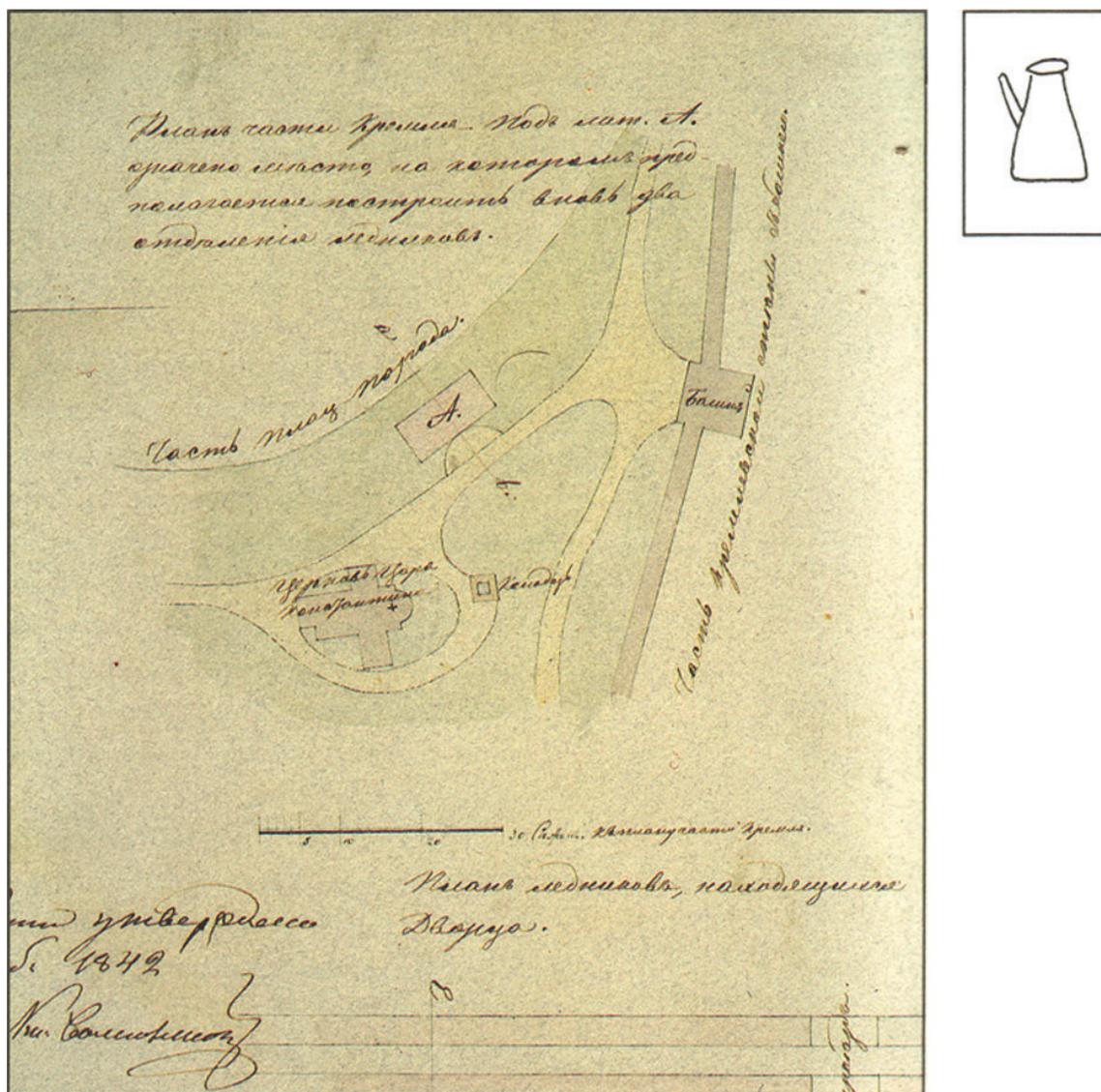
Photo of the author. Code of findings: 2014-СХСП-742.

там имелись и язычники-тенгристы, и буддисты, и христиане, включая католиков, однако именно ислам к концу XIV в. завоевал в Орде самые сильные позиции, причём прежде всего в аристократической среде (Васильев, 2007; Иванов и др., 2021, с. 103). Наряду с Тура-беем в документе упоминаются другие восточные имена: Елбуга, Байрам, Ахмед, Онташ. Среди них имена Байрам и Ахмед уже прямо мусульманские, свидетельствующие о том, что они происходили из мусульманских семей и сохранили свои мусульманские имена после переезда в Москву.

Какого бы вероисповедания не придерживался Тура-бей, он, несомненно, был богатым человеком, на что указывают и обломки разнообразной импортной керамики, найденной в том же погребе (постройке Т-117), где была найдена упомянутая берестяная грамота (Коваль, 2015, с. 271–278). Наряду с этими импортами там же были найдены обломки керамического глазурованного кумгана, который по деталям формы (прямой тонкостенный трубчатый носик) был чрезвычайно близок болгарским керамическим кумганам этого же времени (рис. 6). Однако в Волжской

Булгарии глазурованных кумганов в XIV в. не производили (не известно ни одной находки), а состав формовочной массы сосуда и невысокое качество глазури позволяют утверждать, что этот кумган был изготовлен русским мастером (Коваль, 2018, с. 429, рис. 8: 2). При этом для центральных районов Руси рубежа XIV–XV в. он является уникальной находкой. Явная связь этого кумгана с усадьбой Тура-бея позволяет допускать, что этот сосуд мог использоваться своим хозяином или кем-то из его мусульманского окружения (например, людьми с именами Байрам и Ахмед) не только как столовый сосуд, но и как ручной или даже гигиенический ритуальный сосуд. В соответствии с канонами ислама мусульманин должен 5 раз в день совершать намаз и перед этим совершать омовение. Учитывая уникальность формы сосуда и явное изготовление его на заказ, по восточному образцу, гигиеническое его назначение следует считать наиболее вероятным (хотя нельзя исключать и иные варианты).

При этом надо подчеркнуть, что уже в XV в. в ряде мест Руси появились кувшинообразные сосуды местного производства, имев-



**Рис. 5.** Копия плана 1842 г. с местом обнаружения пергаменных документов XIV в., на полях которого был зарисован медный кумган, в который были сложены эти документы (по: Панова, 1996, рис. на с. 81).

**Fig. 5.** A copy of 1842 plan with the discovery place of 14<sup>th</sup> century parchment documents, on its margins the copper kumgan was sketched; these documents were folded into kumgan (according to Panova, 1996, figure on p. 81).

шие трубчатый носик, которые внешне были очень схожи с мусульманскими кумганами/афтафа, но имели совершенно иное, западноевропейское, происхождение. Изучение истоков этой новой для Руси традиции ещё только начинается, но уже сейчас очевидно, что она никак не связана с восточными (исламскими) гигиеническими сосудами. Тем не менее, нельзя исключать того, что благодаря внешнему сходству со знакомыми как русским, так и их мусульманским соседям, кумганами, эти новые сосуды стали называться тут именно «кумганами». Во всяком случае, это слово сохранилось в великорусском языке в приложении именно к таким формам. Однако в действительности эти европейские по происхождению сосуды правильнее было бы

называть «псевдокумганами» (Коваль, 2019, с. 386–390).

Не ранее конца XV в. псевдокумганы стали изготавливаться в Твери (поливные) (Романова, 2009, рис. 4: 1; 8: 4–6) и Москве (красноглиняные белоангобированные, в т. ч. расписные) (Розенфельдт, 1968, табл. 7: 2, 5, 7, 8; Коваль, 2019, рис. 1: 6). От настоящих восточных кумганов/афтафа они отличались уже тем, что их трубчатый носик был не прямым, а имел S-образный изгиб и соединялся с краем горла вертикальной глиняной пластинкой. Эти сосуды на Руси предназначались для сервировки стола или служили рукомями, но не являлись атрибутом исполнения исламских обрядовых омовений. Поэтому в качестве критерия присутствия мусульман на Руси допустимо



**Рис. 6.** Фото и графическая реконструкция верхней части глазурованного кумгана из раскопок в Московском Кремле (по: Коваль, 2018, рис. 8: 2).

**Fig. 6.** Photo and graphic reconstruction of the upper part of the glazed kumgan from excavations in the Moscow Kremlin (according to Koval, 2018, fig. 8: 2).

относить только те кумганы, которые датируются XIII–XIV в. и имеют однозначно восточное происхождение (например, медные) либо прямо копируют восточные (исламские) образцы (а находки такого рода, как было показано выше, единичны).

Гораздо лучше, нежели следы мусульман, отслеживаются на Руси свидетельства присутствия степняков. Такими следами являются, например, металлические зеркала, широко распространённые в обиходе женщин-степнячек, каменные и чугунные котлы, свойствен-

ные кочевому быту, и некоторые другие специфические предметы (Коваль, 2010), однако они говорят об иноэтничном, а не иноконфессиональном компоненте населения.

Таким образом, круг однозначных материальных свидетельств присутствия мусульман на Руси пока остаётся очень узким. Между тем нет сомнений в том, что число приверженцев ислама на Руси было достаточно заметным (особенно после середины XIV в.), и поиск следов их бывшего присутствия здесь остаётся важной научной задачей.

#### **Благодарность:**

Благодарю А.И. Бугарчева (Институт археологии АН Татарстана) за подробную консультацию. В данном случае речь идёт о монете, чеканенной в 1388 г. при хане Тохтамыше.

**Примечание:**

1 Расчёт проведён для слоя золотоордынского времени (слоя IV) и ям, принадлежавших этому слою (16 экз. из 236 обломков, диагностированных принадлежащих кувшинам). Данные взяты из статистической таблицы, подготовленной А.А. Куклиной.

**ЛИТЕРАТУРА**

- Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 192 с.
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю.* Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1 / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воронникова М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.
- Голофаст Л.А.* Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.). М.: Индрик, 2020. 160 с.
- Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В.* Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 94–107.
- Качанова И.М.* Проблемы атрибуции Большого и Малого саккосов // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1 / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воронникова М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 380–394.
- Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.
- Коваль В.Ю.* Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 76–85.
- Коваль В.Ю.* Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 г. // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 254–286.
- Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.
- Коваль В.Ю.* Московская чернолощенная посуда // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
- Кучкин В.А.* Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23–26.
- Олейников О.М., Руденко К.А.* Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. 2013. № 2. С. 144–148.
- Панова Т.Д.* Клады Кремля. М.: Музеи Московского Кремля, 1996. 136 с.
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.
- Романова Е.А.* Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.Л. Янина. (Великий Новгород, 27-29 января 2009 г.) / Отв. ред.??? Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2009. С. 310–339.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
- Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
- Atil E., Case W.T., Jett P.* Islamic metalwork in the Freer Gallery of Art. Washington: Smithsonian Institution, 1985. 273 p.
- Avissar M., Stern E.J.* Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2005. 178 p.
- Cytryn-Silverman K.* Chapter 9. The Ceramic Evidence // Ramla. Final Report on the Excavations North of the White Mosque. / O. Gutfeld (ed.). Qedem 51. Monograph of the Institute of Archaeology. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2010. P. 97–212.

Ward R. Islamic metalwork. L.: Thames & Hudson, 1993. 128 p.

### Информация об авторе:

**Коваль Владимир Юрьевич**, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

### REFERENCES

Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A., Koval, V. Yu. 2011. In Belyaev, S. A., Vorotnikova, I. A. (eds.). *Moskovskiy Kreml' v XV stoletii. Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki. (Moscow Kremlin in the 15th century. Ancient shrines and historical monuments)* 1. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 452–455 (in Russian).

Golofast, L. A. 2020. *Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.) (Pottery of Jericho in the Late antiquity and Medieval Ages (V–XV centuries))*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S., Ruslanov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 94–107 (in Russian).

Kachanova, I. M. 2011. In Belyaev, S. A., Vorotnikova, I. A. (eds.). *Moskovskiy Kreml' v XV stoletii. Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki. (Moscow Kremlin in the 15th century. Ancient shrines and historical monuments)* 1. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 380–394 (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: "Informelektro" Publ., 73–165 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9<sup>th</sup> – 16<sup>th</sup> Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 254–286 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 414–441 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383–400 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11<sup>th</sup> – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuchkin, V. A. 1995. In *Rodina (Homeland)* (2), 23–26 (in Russian).

Oleynikov, O. M., Rudenko, K. A. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* 2, 144–148 (in Russian).

Panova, T. D. 1996. *Klady Kremlya (Treasures of the Kremlin)*. Moscow: "Muzei Moskovskogo Kremlya" Publ. (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Romanova, E. A. 2009. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriiia i arkheologiiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 23. Veliky Novgorod, 310–339 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

Atil, E., Case, W. T., Jett, P. 1985. *Islamic metalwork in the Freer Gallery of Art*. Washington: Smithsonian Institution.

Avissar, M., Stern, E.J. 2005. *Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk periods in Israel*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.

Cytryn-Silverman, K. 2010. In O. Gutfeld (ed.) *Ramla. Final Report on the Excavations North of the White Mosque / Qedem 51*. Monograph of the Institute of Archaeology. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 97–212.

Ward, R. 1993. *Islamic metalwork*. London: Thames & Hudson.

#### **Author the Author :**

**Koval Vladimir Yu.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kovaloka@mail.ru



Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.  
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.